РУЛЬ

20 Pfennig

18. 7. 1928.

RUL, russische demokratische Tageszeitung

Gegründet von I. Hessen, Prof. A. Kaminka, W. Nabokoff †

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО ВЪ БЕРЛИНѢ

Berlin, 18. Juli 1928. Wochentags-Ausgabe Nr. 137.

Подписная цѣна: Въ Берлинѣ и пригородахъ съ доставкою ежедн. на домъ 4.80 герм. мар. въ мѣсяцъ Во всѣхъ почт. учрежд. Германіи 4.80 герм. мар. въ мѣсяцъ (и по 36 пф. почт. расх. за доставку). Внѣ Германіи въ Европ. страны: Австрію 8 шил., Англію 5 шил., Бельгію 7.50 бельга, Болгарію 120 лев., Венгрію 6 пенге, Голландію 3.— голл. гульд., Грецію 100 др., Данію 4.50 д. кр., Данц. обл. 6.— гульд., Испанію 8.— пез., Италію 25 лиръ, Латвію 5.— латъ, Литву 11.— литъ, Норвегію 4.50 норв. кронъ, Польшу 1.— амер. долл., Португалію 20.— эскуд., Румынію 200 лей (для Бессарабіи 150 лей), Турцію 200 піастр., Финляндію 45 ф. мар., Францію 25.— франц. фр., Чехословакію 35.— чешск. кр., Швейцарію 6.— шв. фр., Швецію 4.— швед. кронъ, Эстонію 4 эст. кр. Югославію 60 дин. въ мѣс. Во внѣевропейскія страны: Азію вост. 1.20 долл. ам., Азію зап. 5 англ. шил., Нид. Инд. 3.— голл. гульд., Америку вообще 1.20 долл. Аргент. респ. 1.30 зол. пезо, Бразилію 8.— милър., Чили 12.50 бум. пезо, Африку. Англ. влад. 5 англ. шил., Итальянск. влад. 35 ит. лиръ, Франц. влад. 30.— фр. фр. въ мѣс. Къ заказу просить прилагать деньги во избѣжаніе замедленія высылки. Текущіе почтовые счета: для Германіи — Berlin № 27156; для Чехословакіи — Praha № 77854; для Югославіи — Белградъ № 68020 для Польши P. K. O. — Warszawa № 9668.

Объявленія:

1 милл. строка (ширина 22 мм.)	0.20 М.
Объявленія семейн. характера, за строку	0.15 М.
Присылкие повѣренные	0.15 М.
Врачи и ищущіе труда	0.10 М.

При крупныхъ заказахъ скидка по тарифу Заграничныя объявленія по особому тарифу

Адресъ редакціи и конторы:
Berlin SW 48, Friedrichstraße 16, Aufgang 6.
Телефонъ: Dönhoff 5567 и 5568
Адресъ для телеграммъ: Rulzeitung Berlin.
Редакторы принимаютъ ежедневно отъ 1/2 2 до 3 1/2 часа дня.

Основанъ І. В. Гессеномъ, проф. А. И. Каминка и В. Д. Набоковымъ †

№ 2322. Среда, 18 Іюля 1928 г. 9-й г. изд.

Сегодня въ номерѣ:

Вопросъ преюдиціальный.
Англія и Германія. — Георгія Попова.
Литературныя замѣтки. — Ю. И. Айхенвальда.
Александръ Протогеровъ. — Юр. Р.
Маленькій фельетонъ. — Вл. Азова.
Новый мѣщанинъ. — Стих. Александра Жарова.
Критика и библіографія.
Рецензіи Ал. Маклецова, Н. Могилянскаго и др.
Новый языкъ и деревня.

НЕУВЯЗКА.

Сталинъ и Рыковъ. — Травля Германіи.

Пленумъ ЦК партіи открыто призналъ свое полное пораженіе, нанесенное ему деревней. Въ резолюціи пленумъ горячо покаялся въ допущенныхъ имъ ошибкахъ, въ преступленіяхъ, совершенныхъ мѣстными властями, и въ безпомощности центральной власти, не сумѣвшей ни подготовиться къ хлѣбозаготовительной кампаніи, ни надлежащимъ образомъ провести ее. Какъ уже сообщалось, резолюція эта принята подъ сильнымъ давленіемъ представителей мѣстныхъ ячеекъ, положеніе которыхъ на мѣстахъ стало совершенно невыносимымъ. Какъ только пленумъ закончился, такъ «вожди» начали выступать въ Москвѣ и Петербургѣ съ комментаріями на принятыя рѣшенія. Комментарій Рыкова въ Москвѣ оказался въ полномъ согласіи съ принятыми покаянными рѣшеніями и представляетъ лишь дальнѣйшее ихъ развитіе. Напротивъ, Сталинъ въ Петербургѣ, выступая передъ партактивомъ, не нашелъ ничего болѣе умнаго, какъ снова заговорить объ опасности войны, хотя на пленумѣ многократно указывалось, что слухи о войнѣ сильнѣе всего раздражаютъ крестьянъ и, пожалуй, еще больше городское населеніе, которое слухами о войнѣ объясняетъ острый недостатокъ хлѣба, достигающій уже размѣра голода въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ. Записки, поданныя Сталину, всѣ были составлены въ вызывающемъ тонѣ и, вѣроятно, убѣдили его, что настроеніе рабочихъ Петербурга ничего хорошаго совѣтской власти не обѣщаетъ. Сталинъ прибылъ въ Петербургъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда весь городъ говорилъ о новой чубаровщинѣ, совершенной на Фонтанкѣ рабочими, членами партіи. Среди же безпартійныхъ рабочихъ усиливается религіозное движеніе и во всей сѣверо-западной области идетъ постройка новыхъ церквей на средства, собираемыя рабочими.

Неувязка власти выражается и на внѣшнемъ фронтѣ: въ то время, какъ наркоминдѣлъ поспѣшилъ послать сановника въ европейскія столицы для нащупыванія почвы и возстановленія оборванныхъ нитей, военныя газеты пользуются произведеннымъ арестомъ шпіона Людвига, чтобы поднять новую травлю противъ Германіи. Въ газетахъ новые вызывающіе заголовки: «Очередная антисовѣтская провокація въ Берлинѣ». «Наглый подлогъ не удается» и т. д. Неувязка доходитъ уже до того, что, какъ утверждаютъ «П. Н.», послѣ того, какъ во всѣхъ московскихъ газетахъ напечатано было сообщеніе о взрывѣ въ ГПУ, совѣтское телеграфное агентство сообщило по радіо, что никакого взрыва не было.

Арестъ начальника ГПУ.

Въ Тифлисѣ арестованъ начальникъ мѣстнаго ГПУ Шахбазбековъ, обвиняемый въ злоупотребленіяхъ. Арестъ его вызвалъ необычайную сенсацію на всемъ Кавказѣ.

Новые аресты инженеровъ.

Въ Тифлисѣ арестованъ инженеръ Сароповъ, руководившій рудниками въ Алавердахъ. Онъ обвиняется въ экономическомъ шпіонажѣ и въ нелегальныхъ сношеніяхъ съ бывшимъ владѣльцемъ рудниковъ французскимъ промышленникомъ Робеномъ. Вмѣстѣ съ Сароповымъ арестовано двое его соучастниковъ Бабаносовъ и Липкинъ. Въ Москвѣ арестованы инженеры комиссаріата путей сообщенія Красовскій и Масленниковъ. Они обвиняются въ полученіи взятокъ отъ иностранныхъ фирмъ и въ «срывѣ планового экспорта».

Убійство военнаго губернатора.

Шанхай, 16. 7.

Нанкинское правительство получило сообщеніе, что военный губернаторъ Китайскаго Туркестана генералъ Янгъ-Дзенъ-Синъ убитъ во время торжественнаго акта въ русской школѣ въ Урумчи (школа находится теперь во владѣніи большевиковъ). Выстрѣлы раздались изъ среды конвоя уполномоченнаго совѣтскаго комиссаріата по иностраннымъ дѣламъ. Гражданскій губернаторъ полиціи арестовалъ уполномоченнаго и весь конвой изъ 20 человѣкъ. Всѣ они были немедленно казнены. Ожидаютъ, что въ китайскомъ Туркестанѣ возникнутъ серьезные безпорядки.

Вопросъ преюдиціальный.

Берлинъ, 17 іюля.

Съ окончаніемъ шахтинскаго процесса, вернувшимъ свободу германскимъ спецамъ, сталъ на очередь вопросъ о возобновленіи переговоровъ о пересмотрѣ торговаго договора, прерванныхъ грубыми вызывающими дѣйствіями чекистовъ. Точнѣе говоря, поставленъ пока на очередь не этотъ вопросъ, а другой еще болѣе преюдиціальный, а именно — о возможности поставить уже сейчасъ вопросъ о возобновленіи упомянутыхъ переговоровъ. Необходимость такой щепетильной преюдиціальности объясняется дѣлымъ рядомъ причинъ. Оправданіе нѣмцевъ, — доставшееся, какъ снимаетъ наркоминдѣльскій сановникъ, не безъ труда, — не могло растворить крупнаго осадка горечи, скопившагося въ германскомъ общественномъ мнѣніи и особенно въ промышленной средѣ. Элементарная мораль подсказываетъ представителямъ промышленности сдѣланное ими въ газетахъ заявленіе, что они не вправѣ посылать въ СССР своихъ инженеровъ и техниковъ, если совѣтская власть не дастъ реальныхъ гарантій, что повтореніе пройденнаго не будетъ имѣть мѣста. Но не говоря о томъ, что и никто еще находится въ производствѣ дѣло Зеебольда, что никому неизвѣстно, какъ оно еще обернется, не закончится до новой «судороги», которую сановникъ пророчитъ, не говоря объ этомъ, какую вообще гарантію совѣтская власть можетъ представить и за чьей именно подписью гарантія пріобрѣтетъ реальный характеръ? Чичерина или Менжинскаго, Сталина или Рыкова, а можетъ быть какого нибудь совѣтскаго Распутина? При отсутствіи только нибудь опредѣленнаго отвѣта и поскольку германская промышленность твердо будетъ стоять на принципномъ элементарномъ требованіи, преюдиціальный вопросъ представляется явно необходимымъ.

Но есть и другая — не менѣе обидная причина. Когда германское правительство, въ отвѣтъ на чекистскую расправу, объявило переговоры прерванными, то г. Шлейферъ со своимъ штабомъ, вернувшись не солоно хлебавши въ Москву, стали настойчиво утверждать во всѣхъ газетахъ, что украинская судорога послужила лишь удобнымъ предлогомъ, что и безъ нея берлинскіе переговоры не клеились и не оставляли ни малѣйшей надежды на благополучный исходъ. Такой взглядъ нашелъ себѣ отраженіе и въ германской печати, указывавшей, что, какъ выяснилось изъ шестилѣтняго опыта, монополія внѣшней торговли стоитъ непреодолимымъ препятствіемъ, при его наличности русскій рынокъ фактически представляетъ для Германіи меньше интереса, чѣмъ, напр., датскій и даже полная потеря его оказалась бы мало замѣтной для германской промышленности. Поскольку такой взглядъ основанъ не на субъективныхъ настроеніяхъ, а объективныхъ цифрахъ, постолько снова становится понятнымъ смыслъ и значеніе преюдиціальнаго вопроса. Болѣе или менѣе понятнымъ становится и такой загадочный съ перваго взгляда выводъ московскаго сановника изъ шахтинскаго дѣла, что нѣтъ худа безъ добра: по окончаніи судороги можно заговорить объ уступкахъ, о которыхъ раньше политбюро и заикаться не позволяло.

Такъ или иначе, постановка преюдиціальнаго вопроса естественно повлекла за собой обсужденіе и принципіальной темы о значеніи совѣтско-германскихъ отношеній вообще. Съ большимъ злорадствомъ московскіе офиціозы подчеркиваютъ, что надежды, связанныя съ исходомъ парламентскихъ выборовъ 20 мая, не сбылись, что Пуанкарэ ожиданій не оправдалъ и остается на своей позиціи, которая заставляетъ Германію, чтобы не оказаться изолированной, поддерживать и дальше вести ту линію, которая опредѣлилась въ Рапалло. Съ другой стороны, наиболѣе примирительно настроенная и всемѣрно эту линію отстаивающая «DAZ» обращаетъ вниманіе Кремля на все растущую изоляцію СССР, которая была бы окончательно завершена отчужденіемъ Германіи. Съ откровенностью, которой нельзя переоцѣнить, газета заявляетъ буквально слѣдующее: «одна рейнская газета подвергаетъ рѣзкой и несправедливой критикѣ мягкую дружественную политику графа Брокдорфа Ранцау и рекомендуетъ сближеніе Берлина съ англійской политикой. Если бы германская политика дѣйствительно пошла такимъ путемъ, то изоляція СССР была бы закончена и жизнеспособность нынѣшняго режима была бы серьезно потрясена».

Пусть самый фактъ никогда не возбуждалъ сомнѣнія, тѣмъ важнѣе его констатированіе въ «DAZ». Г. Стомоньяковъ расчитываетъ существенными уступками добыть осенью новые кредиты. Но, съ другой стороны возможность избавиться отъ всѣмъ насолившаго совѣтскаго режима, можетъ сыграть роль въ намѣчающемся, по утвержденію газеты, сближеніи германо-американскомъ, франко-германскомъ и итало-германскомъ. Такимъ образомъ, вопросъ преюдиціальный чего добраго, превратится въ вопросъ принципіальный и г. Стомоньяковъ, быть можетъ, не ближе къ осеннимъ кредитамъ, чѣмъ къ положенію волка на псарнѣ.

Англія и Германія

Такъ же медленно, какъ создавалось въ Германіи новое правительство, складывается въ Англіи отношеніе къ нему общественнаго мнѣнія.

Наиболѣе интересуетъ англичанъ вопросъ о германскомъ по-военномъ парламентаризмѣ. «Механическая игрушка, данная веймарской конституціей въ руки германскому народу» — такъ выразился одинъ англійскій наблюдатель и добавилъ: «Пока она была нова, она доставляла германскому народу нѣкоторое удовольствіе, теперь же, когда игрушка бѣжитъ болѣе или менѣе ровно, она начинаетъ терять для него всякій интересъ.» Условія образованія послѣдняго германскаго министерства еще разъ показали англичанамъ всѣ трудности организаціи парламентарнаго управленія въ странѣ, насчитывающей столько партій, какъ Германія. Все-таки англичане не могутъ отрицать, что, не смотря на «слабую парламентскую опытность», консолидація германской республики за послѣдніе годы совершилась быстрымъ темпомъ. Это обстоятельство подчеркивается рѣзче всего.

Двѣ другихъ германскихъ проблемы, привлекающія теперь къ себѣ вниманіе англійскаго общественнаго мнѣнія, сводятся къ монархическому движенію и къ школьной военной пропагандѣ. По англійской оцѣнкѣ акціи круговъ, желающихъ возстановленія въ Германіи монархіи, теперь стоятъ ниже, чѣмъ когда бы то ни было. Считаютъ, что въ данное время этотъ вопросъ «внѣ сферы всякой практической политики». Тѣ возгласы вѣрности императору, которые еще раздаются въ Германіи, являются скорѣе данью бывшему величію имперіи, чѣмъ серьезной мыслью о призывѣ Гогенцоллерновъ къ власти.

Господствующія въ Англіи предположенія, что Германія отказалась отъ военной пропаганды въ школахъ, основываются на томъ мѣстѣ программной рѣчи канцлера, гдѣ было сказано, что Германія далека отъ всякаго духа реванша. Не то, чтобы англичане въ этомъ вопросѣ совершенно осуждали нѣмецкую точку зрѣнія. Они признаютъ, что введеніе въ Версальскій договоръ пункта о винѣ за войну было ошибкой союзниковъ и несправедливостью. Но они держатся того мнѣнія, что «слишкомъ преждевременное поднятіе этого вопроса можетъ разрушить начинающееся умиротвореніе Европы, поглотить мѣсяцы трудной работы и погрузить дѣло въ большій хаосъ, чѣмъ было даже до сихъ поръ».

Итогъ англійскихъ размышленій благопріятенъ для Германіи: республиканская форма правленія укрѣпилась, монархическое движеніе ослабѣло, военная пропаганда въ школахъ пріостановилась. Оставленіе «лойяльнаго и благоразумнаго» генерала Гренера на посту военнаго министра считается признакомъ миролюбиваго и чуждаго авантюръ настроенія рейхсвера. Отношеніе англичанъ нѣсколько напоминаетъ, какъ старый дядюшка, довольный поведеніемъ своего племянника, покровительственно похлопываетъ его по плечу, признавая, что племянникъ достоенъ поощренія.

«Требованія Германіи нельзя оставлять безъ уваженія» — писала на этихъ дняхъ одна очень почтенная англійская газета. При этомъ разумѣются требованія, провозглашенныя основными для германской внѣшней политики въ послѣдней рѣчи канцлера: очищеніе занятыхъ областей, пересмотръ плана репарацій и осуществленіе всеобщаго разоруженія. Англія стоитъ за скорое очищеніе оккупированныхъ областей, Англія въ принципѣ — за пересмотръ плана Дауса и Англія теоретически — за всеобщее разоруженіе. Но ко всѣмъ этимъ рѣшеніямъ надо сдѣлать примѣчанія, которыя не позволяютъ надѣяться на англійскую инициативу въ дѣлѣ осуществленія этихъ элементарныхъ германскихъ требованій.

Совершенное Германіей съ 1923 года огромное дѣло экономическаго возстановленія, — стабилизація марки, подъемъ производства, равновѣсіе бюджета, реорганизація желѣзныхъ дорогъ, быстрая уплата ре-